

ЗВЕЗДЫ НОВОЙ
ФАНТАСТИКИ

Майкл
Суэнвик

Мать
железного
дракона

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445
С 91

Michael Swanwick
THE IRON DRAGON'S MOTHER
Copyright © 2019 by Michael Swanwick
This edition is published by arrangement with Sterling Lord Literistic
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского Дарьи Кальницкой
Серийное оформление Виктории Манацковой
Оформление обложки и иллюстрация на обложке
Сергея Шикина

ISBN 978-5-389-18574-6

© Д. С. Кальницкая, перевод, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Милли, Мэри-Энн, Евангелине, Пэт,
Марианне, Барби, Люси, Алисии,
их матерям, матерям их матерей, и так до самой Евы*

Благодарности

Я благодарен покойному (увы) Люциусу Шепарду за то, что он разрешил мне процитировать «Красавицу-дочь добытчика чешуи». Байрону Тетрику за летные протоколы. Тому Пюрдому за описания жизни военных. Анатолию Белиловскому за перечень русских ящеров. Биллу Гибсону за то, что снова снабдил героя подходящими наручными часами. Марчину Панговскому за помощь с польским языком. Кевину Болцу за бретонские имена. Эллен Кушнер за «Гносьены» Сати. Барбаре Фрост за финансовый калькулятор. Моему сыну Шону за *Realpolitik* в Фейри и хореографию драконьей битвы. Барбаре Уайтбрехт за морских созданий. Тому Дойлу за девиз Драконьего Корпуса, а Марио Рупс за пролатинские грамматические атецеденты. Дженис Йен за то, что разрешила процитировать «Джесси». Покойному Гарднеру Дозуа, которого так не хватает, за то, что в принципе научил меня писать. И фонду М. К. Портера за искусство для жизни, любви и всего остального.

Цитата из «Локомотива», рассказа Туве Янссон из сборника «Искусство в природе» («Art in Nature», 1978; *Sort of Books*, 2012; перевод Томаса Гиля), приводится с разрешения издательства *Sort of Books*.

Отрывок из «Аверно», стихотворения Луизы Глюк из сборника «Стихотворения 1962–2012» (© 2012 Луиза Глюк), приводится с разрешения издательства *Farrar, Straus and Giroux*.

Жила-была девчужка;
Кто слушал — молодец;
Росла, старела, умерла,
Тут сказочке конец.

Хелен В., заметки

Умирать — дело муторное. Это Хелен В. усвоила еще в самом начале, когда свыкалась не только с тем, что лучше ей уже никогда не станет, но и с тем, что отныне все совершенные в отпущенное ей время поступки не будут иметь ровно никакого значения. С подобным фактом весьма трудно смириться женщине девяноста с лишним лет, мысли и дела которой всегда имели значение, и притом немалое. А также с тем, что ждать осталось только удара кувалдой в затылок в конце коридора, ведущего на скотобойню, — и больше ничего.

Она не знала, что по ее душу летят драконы.

— Ну, красотка, как мы сегодня себя чувствуем? — В палату, пританцовывая, впорхнул медбрат из дневной смены, как всегда необъяснимо жизнерадостный.

Ну, хоть не насвистывал. А то случалось ведь, что и насвистывал.

К разным частям тела Хелен крепились проводки (всего около десятка), уходя к выстроившимся в ряд мониторам, и все эти мониторы, словно малолетние детишки, изо всех сил старались привлечь к себе внимание по каким-то своим, совершенно неведомым Хелен поводам.

Последние полчаса один из них громко пищал, доблестно пытаясь поведать равнодушному миру о ее высоком давлении. Ну разумеется, давление поднялось, и оно, безусловно, не понизится, пока кто-нибудь не вырубит эту дрянь.

Голову поворачивать было больно, но Хелен пошла на эту жертву и перевела взгляд с мониторов на дневного медбрата, стоявшего у хитросплетения прозрачных трубок, по которым лились туда-сюда жидкости — в мешок иссохшей плоти, который когда-то доставлял ей столько радости, и обратно.

— Лежим-умираем.

— Чушь какая. Вы только себя послушайте — сколько негатива! Как вы с таким настроем поправляться-то будете?

— Я не буду.

— Ну вот, рад, что наконец-то вы со мной согласились.

Медбрат быстренько повывергивал трубки из катетеров и поменял прозрачные мешки на хромированных стойках. Пристегнув к кровати каталку, потянул-подтолкнул-перекатил Хелен. Поменял белье, положил ее обратно, убрал каталку. Наконец постучал по зашедшемуся монитору, выключил его и сообщил:

— У вас давление высокое.

— Да что вы говорите.

— А что случилось с теми вашими красивыми цветочками?

Не дожидаясь ответа Хелен (которая велела выбросить цветы, потому что ей плевать было на пустые жесты дальних родственников, о существовании которых она едва помнила и которых не узнала бы при встрече на улице), медбрат поднял пульт и включил телевизор. В палате грянул хриплый хохот. Самый безрадостный звук во всей

вселенной. Но Хелен вынуждена была признать, что звук этот, не жалея сил, заглушал гробовую тишину ее угасающей жизни.

— Либо этому телевизору конец, либо мне, — сказала она. — Оскар Уайльд, тридцатое ноября тысяча девятисотого года.

— Что?

— Никто и никогда не понимает моих шуток. — Хелен закрыла глаза. — Типично — история всей моей жизни.

Именно так. Но сдержаться и не шутить она не могла. Хелен была битком набита всяческими фактами, и теперь они лезли наружу, просачивались, унижительным образом вытекали через все отверстия и душевные раны.

— Как все медленно тянется, — сказала она и провалилась в то, что раньше по ошибке могла принять за сон, а теперь считала в лучшем случае отсутствием сознания.

Очнулась Хелен ночью.

На заре карьеры, в бытность свою жалким шелкопестром, она выучила, что любую сцену нужно закреплять как минимум тремя отсылками к органам чувств. Повар в забегаловке слышит, как шкворчат яйца на сковороде, чует запах горелого кофе из кофеварки, кладет руку на стойку, чуть скользкую от жира. Больше ничего и не надо. Но здесь этого сделать было невозможно. Все неправильное, грязное, такое, на что стоило бы взглянуть, убрали или сгладили. Никаких острых углов. Все звуки приглушены — далекие, лишённые эмоций голоса, неторопливый скрип тапочек по линолеуму в коридоре. Все цвета в серовато-белой гамме: яичная скорлупа, темно-бежевый, сливочный, кукурузный, жемчужный, латте, гейнсборо. Хуже всего были запахи — ничего не выражающие, обезболенные больничные запахи. Когда убрали все раздражители, Хелен обнаружила, что скучает.

«Я словно старая псина, — подумала она, — у которой отобрали всякие занимательные вонючки».

Больница была местом, где избавлялись. Сюда приходили избавиться от боли, болезней, продуктов жизнедеятельности, анализов крови, бинтов, повязок, запахов, чувств, органов и в конечном итоге от самого себя.

— Вы попадете прямиком в ад, — без тени сомнения объявила медсестра из ночной смены.

По всей видимости, Хелен проснулась на середине разговора. Такое с ней бывало.

— Католические бредни, — парировала она.

Не ожидала такого от доброй баптистки. Глядишь, дальше кинется преломлять хлеб и читать новены за спасение ее души. Накатил приступ боли, и Хелен изо всех сил постаралась не обращать на него внимания.

Ночная сестра принялась отстегивать трубочки и снимать пустые прозрачные мешки, которые нужно было заменить на новые — полненькие. Делала она это всегда молча, целиком уйдя в свое занятие. Завидное качество, следует признать.

— Я всего-навсего устройство. Для перегонки жидкостей. Из одного мешка в другой, — сказала Хелен. — Причем наиболее дорогим способом из всех возможных.

Сестра закончила с мешками и трубочками.

— Вечно-то вы шутите.

— Тут вы правы. Именно так.

— Стоите на самом краю бездны, а все вам хиханьки-хаханьки. Вот загремите сейчас прямиком в пекло, а сами веселитесь, как умалишенная. Господь Иисус наш протягивает руку, чтобы вас спасти. И всего-то надо — принять Его милость. А вы что? Делаете вид, что в жизни только и есть что смешки да ужимки. В гордости и высокомерии своем досмеетесь до вечных мук.

Это была обличительная проповедь. В лоб, совершенно серьезно, от самого сердца. Но вот произнес ли кто-нибудь в конце «аминь»? Нет. Уж точно не Хелен. Хелен В. не чувствовала ничего — только все более настойчивые позывы боли отнюдь не духовного свойства. Ну и было бы лицемерно с ее стороны притворяться, что она верит в Бога, ведь Тот, как в один голос утверждали монашки в ее далеком детстве, лицемеров терпеть не мог.

— Что это вы читаете? — поинтересовалась ночная сестра, взяв с тумбочки книгу в бумажной обложке.

— Слова, слова, слова, — устало, в надежде, что она не станет любопытствовать и вернет книгу на место, ответила Хелен и задохнулась от накатившей боли.

— Какая-то языческая ерунда, — с обычной своей пронизательностью провозгласила ночная сестра и положила книгу на тумбочку названием вниз.

— Мне нужно обезболивающее.

— Хмм, хмм, — промычала женщина, заполняя какие-то чертовы бумажки.

— Мне правда нужно.

— Будет вам обезболивающее. Не гоните лошадей.

— Власть демонстрируете?

Хелен вполне представляла, какую вызывает у женщины, которая никогда не ныряла с маской на Мальдивах, никогда не оказывалась вдруг судьей на конкурсе по игре на невидимой гитаре в подпольном баре в трущобах Йоханнесбурга, никогда не трудилась все лето над старым ржавым «феррари», пытаясь перевести его с бензина на растительное масло, потому что влюбилась в мальчишку, жаждавшего спасти мир, — какую она, видимо, вызывает у этой женщины неприязнь. Жизнь у ночной сестры, наверное, сложилась нелегкая. Вполне понятно, почему она не дает лекарство не в меру докучливой ста-

рушонке, — это единственная доступная ей форма власти. Да и Хелен, в общем-то, в свои последние деньки ничего особенного из себя не представляла. Ей нравилось воображать себя Карой Господней для медсестер, Ужасом Десятого Отделения. Но скорее всего, те, кому по долгу службы полагалось (по возможности безо всякой суеты) препроводить ее в мир иной, считали ее просто несговорчивой старушкой из палаты 402. Проявляющей вполне заурядное человеческое хамство.

— Бог, если Он есть, вас простит. Простит за то, что дали мне таблетку. А если Бога нет. То гребаный Дух времени. Или наше коллективное бессознательное. Вас простит.

— Вот вы бросаетесь громкими словечками. Но они ведь ни о чем не говорят, эти слова.

И ночная медсестра ушла, а Хелен осталась лежать, рыдая от боли и ненавидя себя за это почти так же сильно, как ненавидела ночную сестру, которая с ней это сотворила. Жалкая, жалкая, жалкая...

Снова запищал монитор.

Ночная сестра вернулась. Послышался шелест — будто рвется пластиковая упаковка. Потом тихая возня — медсестра что-то там делала с трубочками и прозрачными мешками. Наконец она сказала:

— Добавила вам в капельницу демерол. Имейте терпение, скоро подействует.

— Вы мне нравитесь, — сумела выдавить Хелен. — Правда. Спасибо. Правда нравитесь.

Но на ночную сестру лезть не подействовала.

— И поэтому вы на меня вываливаете все те идиотские мысли, которые лезут вам в голову. Кто там вам нравится — дело десятое. Важно лишь, любите ли вы Господа больше, чем собственные умные слова. Вот полежите подумайте об этом. Подумайте хорошенько.

«Аминь, сестра», — мысленно сказала Хелен. Еще в доме для престарелых она кучу сил потратила, делая вид, что пишет мемуары — «Имя, написанное на воде». Что ж, настало время признать: мало того что ей их никогда не закончить, она, собственно, никогда толком и не начала. Жизнь — для живых, мемуары — для тех, кому есть что сказать, а у нее уже очень давно ни с тем ни с другим не ладится.

Ночная сестра отключила звук на мониторе.

— У вас давление высокое.

— Неужели? Ума не приложу почему.

— А, эти двое, — спокойно, добродушно сказала медсестра из вечерней смены. Видимо, Хелен снова очнулась посреди разговора. Эмили была настоящей пышечкой, с круглым розовым лицом и редкими светлыми волосами. А еще она была (во всяком случае, так считала Хелен В., а в таких делах она хорошо разбиралась) по-настоящему доброй. Наверное, ей в жизни пришлось перенести немало боли. — Как вы их терпите — не знаю.

— Получаю массу удовольствия от обоих. Про каждого могла бы сериал сострелять.

Хелен по неведомым причинам потянуло на откровенность. Видимо, открылось второе дыхание. Или, скорее, последнее. Правда, дышать от этого легче не стало.

— «Больничное солнышко». Про дипломированного медработника. Он, сам о том не подозревая, всех выводит из себя. Веселенько, бодренько, позитивненько. Разумеется, ситком. Конечно, главный герой — женщина. Боже упаси, чтобы такого тупицу играл мужчина. Не раз пыталась это провернуть. Но все без толку. Пилот буквально сам напишется. В главной роли девица, с которой нынче спит глава программного отдела. А вот «Ночная сестра»... Тут поинтереснее. Женщина с суровыми мо-

ральными принципами. Считает своим долгом обращать пациентов. Но тут и кроется подвох. Она знает: люди — неисправимые грешники. Только ночной сестре удастся кого-нибудь спасти. Она тут же этого человека убивает. Чтобы умер просветленный. Да. И попал прямиком в рай. И вот очередной пациент духовно воспаряет. Поднимается из Топи Уныния. Снова ощущает надежду. И каждый раз зрители трясутся от ужаса. Вот сейчас. Боже мой, вот сейчас. Нагнетается тревожное ожидание. Сложный характер. С подходящей актрисой может и хит получиться.

— Точно, вы ведь раньше были писательницей?

— Ничего подобного. Продюсером. Именно на мне все и держалось. — Хелен сказала это деликатно, стараясь не обидеть собеседницу. Эмили ей нравилась: она позволяла увести разговор туда, куда Хелен хотелось. Редкостная удача — найти хорошего слушателя, особенно в таком месте. — Писатели — они как больничное судно. Без них не обойтись. Но и на ужин с собой не возьмешь.

— А знаете, Хелен, — со смехом отозвалась вечерняя сестра, — я буду по вам скучать. Второй такой, как вы, на свете нет.

— Да уж. И слава богу. Одной меня более чем достаточно.

Но Эмили уже начала прибираться, и Хелен понимала, что это значит. У нее не было припасено ничего такого особенного, чтобы задержать вечернюю сестру в палате, поэтому выбора не осталось — только правда.

— У меня есть план побега, — сообщила она.

— Неужели?

— Сделаю отсюда ноги. — Хелен выждала, когда Эмили откроет рот, чтобы растолковать, что это совершенно невозможно. — Та книжица на тумбочке — «Тибетская книга мертвых». С примечаниями. Я ее читала. В мо-

мент смерти наступает момент свободы. Если цепляться за жизнь. Просто опускаешься по спирали обратно. В сансару. Перерождаешься. И опять все по новой. Но есть то единственное мгновение. Когда можно совершить прыжок в неизвестность. В лучший мир. И я прыгну.

— Не знала, что вы буддистка.

— А я и не буддистка. Опиум для народа. Чуть собачья. Но побег есть побег. Так ведь? Раз уж прислали в тюрьму пирожок с напильником. Плевать, какой этот напильник марки.

— Не совсем вас понимаю.

— Ладно. В этой книжице детально рассказывается. Что происходит с нами после смерти. Больше нигде это не описывают подробно. Ну, допустим, Данте, но бог с ним. Может, им что-то известно. Кто-нибудь восстал из мертвых. Порассказал кой-чего. А монахи записали. И получилась религия. А может, вовсе и не религия. Может, просто голые факты. Подумайте об этом. Стоит об этом...

Но Эмили уже шла к двери. Улыбка, взмах руки, сейчас она исчезнет в прошлом, превратится в тускнеющее воспоминание, легкое сожаление.

— Я могла бы и про вас сделать сериал, — сказала Хелен, только чтобы не остаться без зрителя.

Она действительно могла бы. Хелен знала это наверняка. Больница, обычное место, где самым обыденным образом, какой только можно вообразить, разыгрываются драмы о жизни и смерти. Важные темы, сведенные к маленьким жестам. И в центре всего этого... обычная женщина, исполненная обычной доброты. Такая не осадит террориста, не убедит больного кандидата в президенты изменить политику здравоохранения, не отговорит от самоубийства юную поп-звезду. Но она делает для своих подопечных что может, выходит на ночное дежурство, чтобы

подменить подругу, нет, даже не подругу — просто коллегу, которая хочет послушать, как дочка поет в школьном спектакле...

Эмили уже ушла.

Ну и ладно. Продать такой сериал не удалось бы даже Хелен В. Для такой вдумчивой и умной истории просто не нашлось бы аудитории. Может, когда-нибудь в пятидесятых, а сегодня — нет. Сегодня Хелен просто пожалела, что вслух рассказала о плане побега. Облеченный в слова, он казался ненадежным. Да что уж тут деликатничать — глупым. Но ничего другого у нее не было.

— «Я запутался», — сказала она. — Алистер Кроули, первое декабря тысяча девятьсот сорок седьмого года.

Видимо, минул еще один день. Хелен закрыла глаза и позволила темноте унести себя вниз по течению.

Внезапно громко завибрировала машина — та, что время от времени надувала рукава, липучками пристегнутые к ногам Хелен, эти мерзкие рукава сжимались и разжимались, сначала на правой ноге, потом на левой, имитируя нагрузку при ходьбе. Штукенция вроде как не давала крови застаиваться, но включалась она ровно тогда, когда Хелен удавалось наконец о ней забыть. Наверно, Хелен спала. Кто-то насвистывал.

— С добрым утречком, красotka. Какой чудесный денек. Приятно же в такой денек быть живой? — Дневной медбрат принялся отстегивать и пристегивать прозрачные мешки. Потом провернул фокус с каталкой, чтобы перекатить Хелен с койки и поменять белье.

— Нет, — ответила она. — Неприятно.

— Вечно-то вы так. Безднадежны. — Он перекатил ее обратно.

— Я тут все гадаю, — скорее от скуки, чем с какой-то определенной целью, сказала Хелен, — у вас имя-то есть?

— Ну вот, теперь вы задели мои чувства, — с улыбкой отчитал ее медбрат, уперев руки в боки. — Чарльз. Я вам уже не раз говорил.

— Чак. Понятненько. — Хелен отвернулась, уставившись на стоявшие в ряд мониторы, а потом (потому что сдержаться было выше ее сил) снова повернулась к медбрату. — Скажите, Чак, почему вы вечно такой до чертиков счастливый?

— Прекратите-ка. — Невероятно, но в его голосе прозвучало искреннее раздражение. Видимо, Хелен удалось таки пробить броню идиотизма. — Вы нездоровы, но это не дает вам права обращаться с людьми так, будто они дураки.

— Чак, Чак, Чак. Вы что, ни разу не смотрели «Клоунов» Феллини? Вы дурак. Я дура. Вся наша чертова планета — планета дураков. Корабль дураков. Именно поэтому мы и здесь. Чтобы Богу было над чем посмеяться. Если не можешь смеяться над идиотами, что ты тогда вообще можешь? Устал от идиотов, значит устал от жизни.

— Вы безнадежны. Просто безнадежны. — Дневной медбрат снова улыбался.

— Я не устала от жизни, — сказала Хелен. А затем, поскольку прозвучало не очень убедительно, повторила: — Не устала.

Медбрат включил телевизор.

— Что все-таки случилось с теми вашими красивыми цветочками? — спросил он.

И, насвистывая, вышел из палаты.

С добрым утречком, красотка, — и не забудьте, что попадете в ад. Так и шло время. Слишком медленно и слишком быстро — шло к своему назначенному и неотвратимому концу. И так и этак невыносимо. Сколько лет она уже здесь провела? Месяц? Девять часов?

Суэнвик М.

С 91 Мать железного дракона : роман / Майкл Суэнвик ; пер. с англ. Д. Кальницкой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 416 с. — (Звезды новой фантастики).

ISBN 978-5-389-18574-6

Майкл Суэнвик — американский писатель-фантаст, неоднократный лауреат множества литературных наград и премий («Небьюла», «Хьюго», Всемирная премия фэнтези, Мемориальные премии Теодора Старджона и Джона Кэмпбелла, премии журналов «Азимов», «Локус», «Аналог», «Science Fiction Chronicle»), создатель знаменитого цикла «Хроники железных драконов».

«Мать железного дракона» — завершение трилогии, начатой романами «Дочь железного дракона» и «Драконы Вавилона». Жанровую принадлежность этих книг можно определить как «твердая фэнтези». Это уникальный сплав научной фантастики с тщательно и ярко прописанным фэнтезийным миром. Этот полнокровный, свирепый и прекрасный мир имеет убедительную технологическую поддержку, красивую философскую основу, он полон чудесных и жутких мест и населен удивительными существами. А еще он опасно близок к нашему... Итак, познакомьтесь с Кейтлин из Дома Сан-Мерси. Офицер и пилот Эскадрильи Трупожоров, она возвращается на драконе 7708 из первого своего боевого вылета. Однако 7708-я (она же Змея Горынычна) вдруг отказывается подчиняться. А потом Кейтлин оказывается под следствием и понимает, что стала жертвой крупномасштабного и тщательно спланированного заговора...

«Долгожданное возвращение в мир железных драконов — пожалуй, самый оригинальный и тщательно проработанный воображаемый мир со времен „Властелина Колец“» (*The Wall Street Journal*).

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

МАЙКЛ СУЭНВИК
МАТЬ ЖЕЛЕЗНОГО ДРАКОНА

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Терскова, Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 11.11.2020. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 26. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
151093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-KNF-27190-01-R